

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2015–2016 уч. г.
ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП. 8 КЛАСС

Часть I. ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ (30 баллов)

Писатели часто получают письма от читателей. Такие письма содержат отзывы о произведениях, советы, укоры, выражают восхищение или возмущение. Иной раз писателя отождествляют с его героем или находят в его произведениях неизвестные автору прототипы, что может привести к различным недоразумениям.

Напишите письмо одному из перечисленных ниже писателей. Упомяните его произведения, напишите о том, почему они Вам нравятся или не нравятся.

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841)

Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883)

Уильям Шекспир (1564–1616)

Джонатан Свифт (1667–1745)

Мигель де Сервантес Сааведра (1547–1616).

Объём письма – 130–200 слов.

Оцениваются:

знание творчества выбранного автора (учитывается не только количество названных произведений, но и знание их содержания)	0–10 баллов
доказательность собственного мнения, убедительность суждений	0–10 баллов
соблюдение границ речевого жанра, единство стиля	0–5 баллов
речевая грамотность (наличие/отсутствие орфографических, пунктуационных, грамматических и речевых ошибок)	0–5 баллов
Всего	30 баллов

Часть II. Целостный анализ текста (40 баллов)

Выберите ОДИН из вариантов.

Вариант 1

Прочитайте текст. Напишите о нём сочинение, опираясь на поставленные вопросы.

Как, по Вашему мнению, следует обозначить жанр этого произведения?

Как устроено художественное пространство текста?

Как и с помощью каких художественных средств обрисованы характеры персонажей?

Что помогает читателю в определении авторской позиции? Какова она?

Что Вы можете сказать о названии произведения?

Какие произведения русской и зарубежной литературы может Вам напомнить это произведение?

Необязательно отвечать на все вопросы последовательно. Вы можете избрать свой путь анализа. Пишите развёрнуто, связно, внятно, свободно.

Всеволод Михайлович Гаршин (1855–1888)

ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО

В один прекрасный июньский день, – а прекрасный он был потому, что было двадцать восемь градусов по Реомюру, – в один прекрасный июньский день было везде жарко, а на полянке в саду, где стояла копна недавно скошенного сена, было ещё жарче, потому что место было закрытое от ветра густым-прегустым вишняком. Всё почти спало: люди наелись и занимались послеобеденными боковыми занятиями; птицы примолкли, даже многие насекомые попрятались от жары. О домашних животных нечего и говорить: скот крупный и мелкий прятался под навес; собака, вырыв себе под амбаром яму, улеглась туда и, полузакрыв глаза, прерывисто дышала, высунув розовый язык чуть не на пол-аршина; иногда она, очевидно от тоски, происходящей от смертельной жары, так зевала, что при этом даже раздавался тоненький визг; свиньи, маменька с тринадцатью детками, отправились на берег и улеглись в чёрную жирную грязь, причём из грязи видны были только сопевшие и храпевшие свинные пяточки с двумя дырочками, продолговатые, облитые грязью спины да огромные повислые уши. Одни куры, не боясь жары, кое-как убивали время, разгребая лапами сухую землю против кухонного крыльца, в которой, как они отлично знали, не было уже ни одного зёрнышка; да и то петуху, должно быть, приходилось плохо, потому что иногда он принимал глупый вид и во всё горло кричал: «какой ска-ан-да-ал!!»

Вот мы и ушли с полянки, на которой жарче всего, а на этой-то полянке и сидело целое общество не спавших господ. То есть сидели-то не все; старый гнедой, например, с опасностью для своих боков от кнута кучера Антона разгребавший копну сена, будучи лошадьё, вовсе и сидеть не умел; гусеница какой-то бабочки тоже не сидела, а скорее лежала на животе: но дело ведь не в слове. Под вишнею собралась маленькая, но очень серьёзная компания: улитка, навозный жук, ящерица, вышеупомянутая гусеница; прискакал кузнечик. Возле стоял и старый гнедой, прислушиваясь к их речам одним, повёрнутым к ним, гнедым ухом с торчащими изнутри тёмно-серыми волосами; а на гнедом сидели две мухи.

Компания вежливо, но довольно одушевлённо спорила, причём, как и следует быть, никто ни с кем не соглашался, так как каждый дорожил независимостью своего мнения и характера.

– По-моему, – говорил навозный жук, – порядочное животное прежде всего должно заботиться о своём потомстве. Жизнь есть труд для будущего поколения. Тот, кто сознательно исполняет обязанности, возложенные на него

природой, тот стоит на твёрдой почве: он знает своё дело, и, что бы ни случилось, он не будет в ответе. Посмотрите на меня: кто трудится больше моего? Кто целые дни без отдыха катает такой тяжёлый шар – шар, мною же столь искусно созданный из навоза, с великой целью дать возможность вырасти новым, подобным мне, навозным жукам? Но зато не думаю, чтобы кто-нибудь был так спокоен совестью и с чистым сердцем мог бы сказать: «да, я сделал всё, что мог и должен был сделать», как скажу я, когда на свет явятся новые навозные жуки. Вот что значит труд!

– Поди ты, братец, с своим трудом! – сказал муравей, притащивший во время речи навозного жука, несмотря на жару, чудовищный кусок сухого стебелька. Он на минуту остановился, присел на четыре задние ножки, а двумя передними отёр пот со своего измученного лица. – И я ведь тружусь, и побольше твоего. Но ты работаешь для себя или, всё равно, для своих жученят; не все так счастливы... попробовал бы ты потаскать брёвна для казны, вот как я. Я и сам не знаю, что заставляет меня работать, выбиваясь из сил, даже и в такую жару. – Никто за это и спасибо не скажет. Мы, несчастные рабочие муравьи, всё трудимся, а чем красна наша жизнь? Судьба!..

– Вы, навозный жук, слишком сухо, а вы, муравей, слишком мрачно смотрите на жизнь, – возразил им кузнечик. – Нет, жук, я люблю-таки потрепать и попрыгать, и ничего! Совесть не мучит! Да притом вы несколько не коснулись вопроса, поставленного госпожой ящерицей: она спросила, «что есть мир?», а вы говорите о своём навозном шаре; это даже невежливо. Мир – мир, по-моему, очень хорошая вещь уже потому, что в нём есть для нас молодая травка, солнце и ветерок. Да и велик же он! Вы здесь, между этими деревьями, не можете иметь никакого понятия о том, как он велик. Когда я бываю в поле, я иногда вспрыгиваю, как только могу, вверх и, уверяю вас, достигаю огромной высоты. И с неё-то вижу, что миру нет конца.

– Верно, – глубокомысленно подтвердил гнедой. – Но всем вам всё-таки не увидеть и сотой части того, что видел на своем веку я. Жаль, что вы не можете понять, что такое верста... За версту отсюда есть деревня Лупаревка: туда я каждый день езжу с бочкой за водой. Но там меня никогда не кормят. А с другой стороны Ефимовка, Кисляковка; в ней церковь с колоколами. А потом Свято-Троицкое, а потом Богоявленск. В Богоявленске мне всегда дают сена, но сено там плохое. А вот в Николаеве, – это такой город, двадцать восемь вёрст отсюда, – так там сено лучше и овёс дают, только я не люблю туда ездить: туда ездит на нас барин и велит кучеру погонять, а кучер больно стегает нас кнутом... А то есть ещё Александровка, Белозёрка, Херсон-город тоже... Да только куда вам понять всё это!.. Вот это-то и есть мир; не весь, положим, ну да всё-таки значительная часть.

И гнедой замолчал, но нижняя губа у него всё ещё шевелилась, точно он что-нибудь шептал. Это происходило от старости: ему был уже семнадцатый год, а для лошади это всё равно, что для человека семьдесят седьмой.

– Я не понимаю ваших мудрёных лошадиных слов, да, признаться, и не гонюсь за ними, – сказала улитка. – Мне был бы лопух, а его довольно: вот уже я четыре дня ползу, а он всё ещё не кончается. А за этим лопухом есть ещё лопух, а в том лопухе, наверно, сидит ещё улитка. Вот вам и всё. И прыгать никуда не нужно – всё это выдумки и пустяки; сиди себе да ешь лист, на котором сидишь. Если бы не лень ползти, давно бы ушла от вас с вашими разговорами; от них голова болит и больше ничего.

– Нет, позвольте, отчего же? – перебил кузнечик, – потрещать очень приятно, особенно о таких хороших предметах, как бесконечность и прочее такое. Конечно, есть практические натуры, которые только и заботятся о том, как бы набить себе живот, как вы или вот эта прелестная гусеница...

– Ах, нет, оставьте меня, прошу вас, оставьте, не троньте меня! – жалобно воскликнула гусеница: – я делаю это для будущей жизни, только для будущей жизни.

– Для какой там ещё будущей жизни? – спросил гнедой.

– Разве вы не знаете, что я после смерти сделаюсь бабочкой с разноцветными крыльями?

Гнедой, ящерица и улитка этого не знали, но насекомые имели кое-какое понятие. И все немного помолчали, потому что никто не умел сказать ничего путного о будущей жизни.

– К твёрдым убеждениям нужно относиться с уважением, – затрещал, наконец, кузнечик. – Не желает ли кто сказать ещё что-нибудь? Может быть, вы? – обратился он к мухам, и старшая из них ответила:

– Мы не можем сказать, чтобы нам было худо. Мы сейчас только из комнат; барыня расставила в мисках наваренное варенье, и мы забрались под крышку и наелись. Мы довольны. Наша маменька увязла в варенье, но что ж делать? Она уже довольно пожила на свете. А мы довольны.

– Господа, – сказала ящерица, – я думаю, что все вы совершенно правы! Но с другой стороны...

Но ящерица так и не сказала, что было с другой стороны, потому что почувствовала, как что-то крепко прижало её хвост к земле.

Это пришёл за гнедым проснувшийся кучер Антон; он нечаянно наступил своим сапожищем на компанию и раздавил её. Одни мухи улетели обсасывать свою мёртвую, обмазанную вареньем, маменьку, да ящерица убежала с оторванным хвостом. Антон взял гнедого за чуб и повёл его из сада, чтобы запрячь в бочку и ехать за водой, причём приговаривал: «ну, иди ты, хвостяка!», на что гнедой ответил только шептаньем.

А ящерица осталась без хвоста. Правда, через несколько времени он вырос, но навсегда остался каким-то тупым и черноватым. И когда ящерицу спрашивали, как она повредила себе хвост, то она скромно отвечала:

– Мне оторвали его за то, что я решилась высказать свои убеждения.

И она была совершенно права.

Вариант 2

Прочитайте стихотворение К.М. Симонова. Напишите о нём сочинение, опираясь на поставленные вопросы.

Как устроено художественное пространство стихотворения?

Как движется время в стихотворении?

В чём лирический сюжет стихотворения?

С помощью каких художественных средств созданы образы?

Каков центральный образ стихотворения и в чём заключается его символическая роль?

Необязательно отвечать на все вопросы последовательно. Вы можете избрать свой путь анализа. Пишите развёрнуто, связно, внятно, свободно.

Константин Михайлович Симонов (1915–1979)

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

Меня просил попутчик мой и друг,—
А другу дважды не дают просить,—
Не видя ваших милых глаз и рук,
О вас стихи я должен сочинить.

В зелёном азиатском городке,
По слухам, вы сейчас влачите дни,
Там, милый след оставив на песке,
Проходят ваши лёгкие ступни.

За друга легче женщину просить,
Чем самому припасть к её руке.
Вы моего попутчика забыть
Не смейте там, в зелёном городке.

Он говорил мне, что давно, когда
Ещё он вами робко был любим,
Взошедшая Полярная звезда
Вам назначала час свиданья с ним.

Чтоб с ним свести вас, нет сейчас чудес,
На край земли нас бросила война,
Но всё горит звезда среди небес,
Вам с двух сторон земли она видна.

Она сейчас горит ещё ясней,
Попутчик мой для вас её зажжёт,
Пусть ваши взгляды сходятся на ней,
На перекрёстках двух земных дорог.

Я верю вам, вы смотрите сейчас,
Пока звезда горит – он будет жить,
Пока с неё не сводите вы глаз,
Её никто не смеет погасить.

Где юность наша? Где забытый дом?
Где вы, чужая, нежная? Когда,
Чтоб мёртвых вспомнить, за одним столом
Живых сведёт Полярная звезда?

Максимальное количество баллов за работу – 70.